

УДК 347.61

УГРОЗЫ МАТЕРИНСТВУ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Л.А. Баркова

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет путей сообщения»,
г. Москва

Статья посвящается анализу угроз материнству, лежащих в плоскости духовной сферы жизни общества. Исходя из постулата о том, что общественная жизнь основывается на социальных механизмах психического взаимодействия людей, необходимо устранить ложные концепции, препятствующие успешной реализации феномена. К таким ложным мировоззренческим установкам относятся прагматическая модель «комфортного материнства», материалистическо-монистическая модель, рассматривающая материнство как сугубо биологический феномен, киборг-антропология, влекущая появление новых формы материнства, требующих всестороннего осмысления.

Ключевые слова: прагматизм, акушерская агрессия, суррогатное материнство, экстракорпоральное оплодотворение, киборг-антропология.

Исходя из ложно понятых евангельских принципов часто полагают, что делают честь христианству, низводя его до уровня славянской филантропии. Не видеть в нем самую реалистичную и самую космическую из всех вер и надежд, значит ничего не понимать в его «тайнах». Большая семья, Царство Божие? Да, в каком-то смысле. Но в другом смысле: удивительное биологическое преобразование... Объединение, осуществляемое путем погружения Бога в вещи, его превращения в «элемент», путем вхождения его в самое сердце матери и обретения им там опоры, вот что руководит эволюцией.

П.Т. де Шарден.

Предваряя рассмотрение угроз материнству в российском обществе, уточним понимание самого термина «угроза». Очевидно, что «угроза» употребляется нами в значении «опасность» (англ. danger, происходящего от *dominium* – суверенность или власть лорда, способного причинять ущерб), которая, во-первых, может проявляться в развитии противоречий во взаимодействиях внутри феномена с последующим негативным отражением на всем обществе и, во-вторых, как то, что вызывает непосредственную необходимость защищаться. Угрозы могут дифференцироваться по степени опасности, по длительности воздействия, по источникам возникновения и, наконец, по сферам проявления в жизни общества: экономические, политические, социальные и духовные. В данной статье мы остановим внимание на духовной сфере, которая включает науку, религию и доминирующие идеологии.

Угроза материнству сегодня связана прежде всего с идеологией прагматизма, которая превозносит технологии, недооценивая возможности их разрушительного потенциала в непосредственном воздействии на материнство, поскольку происходит размывание границ между естественным и техногенным. Обыватель убежден, что культурный прогресс был обусловлен исключительно развитием технологий. Однако версий прогресса больше. Например,

группа американских антропологов под руководством Роберта Чьери, сравнив большое количество древних черепов, установила, что «поздняя эволюция Homo sapiens имеет признаки черепно-лицевой феминизации, т. е. явного уменьшения надбровных дуг и других изменений, которые могли быть вызваны уменьшением количества тестостерона у людей и, соответственно, также стать причиной снижения в обществе уровня агрессивности, что привело к формированию стремления к сотрудничеству и обусловило культурный прогресс» [1, с. 53].

В настоящем времени все еще нельзя сказать, что стремление к сотрудничеству в обществе наконец приобрело необратимый характер, возможно как раз из-за широкомасштабного внедрения технологий во все сферы жизни общества. Не только «черепно-лицевая феминизация», но и материнство как всеобъемлющий социокультурный феномен оказывают влияние на направление прогресса, ведь сильнее всего история связана с антропологией, поскольку не бывает никакой «истории человека без человека» [2] и «подлинная история совершается в частной жизни и массовых бессознательных движениях» [3]. По Ю. Лотману, «мы наследуем древнерусское сознание, для которого важен тот, кто создает постоянные конструктивные признаки мира, которые затем существуют вне времени (как рождение и обновление в этом акте). Типичные вопросы “кто зачал?”, “откуда повелось?”, “чем кончилось?” имеют наибольшее значение, если мы воспроизводим своими действиями первопорядок и стираем пыль с ветхих дел зачинателя» [4, с. 356], чтобы сохранить свой мир и уберечь его от современных эсхатологических мифов – экологических катастроф, начало которых не в атомных бомбах, а в противоестественном рождении.

Антропология и этнология сохранили знания о древних традициях, открывающих возможности состояться материнству как всячески поддерживаемому социальному институту, войти в культуру и обогатить ее опытом рождения как вечного обновления. Удивительно, но несчастья и бедствия в нашей жизни могут приобретать большое количество образов, в то время как счастье зависит от выполнения всего нескольких условий. Так, во многих доиндустриальных культурах женщина всегда могла рассчитывать на участие в родах человека – мужа, а не «технологий». Кувада – древний обычай, встречающийся у многих народов, в том числе и у русских, преимущественно в северных областях, представлял помощь женщине в родах необычным образом: муж отвлекал внимание злых духов, притворяясь рожаящим вместо нее и имитируя родовые схватки. В нынешних родильных домах муж тоже иногда присутствует на родах, чаще по просьбе жены и все с той же древней мифологической задачей – защитить ее от «злых духов» – внедрения в процесс технологий, которыми владеет медицинский персонал, стремящийся на свой искусственный лад «родить» вместо женщины. Современная наука, представленная в этом процессе медициной, опирающаяся на материалистическо-монистическую парадигму, которая, к счастью, начинает переосмысливаться многими учеными, но которой в настоящий момент вверено материнство, чаще представляет непосредственную угрозу для реализации материнства, чем помогает ему.

Теоретически истоки научного знания зиждутся на мировоззрении, основанном на магическом ритуале, цель которого идентична задачам науки – воздействовать на природу (пусть даже это вульгарная интерпретация детер-

минизма). Французский врач, акушер-гинеколог Мишель Оден, изучая материнство исключительно как природный процесс и совершенно не стремясь как-либо влиять на него, испытал настоящее концептуальное потрясение, придя к выводу о вреде, который причиняется материнству, исходя из идеи о необходимости воздействия на него. Ему пришлось преодолеть собственное чувство благоговения перед авторитетом и известностью успешно практикующих врачей, чтобы положить начало и открыть «новый» подход к научному изучению материнства, базирующемуся на понимании глубинной природно-духовной сути этого всеохватывающего явления. Однако такой подход до сих пор игнорируется медицинской практикой, оставшейся верной прежним авторитетам – известным ученым и врачам, признающим оптимальным способом вхождения в материнство внедрение –технологий и прибегающим ко всевозможным манипуляциям, будь то эпизиотомия, вакуумная экстракция или кесарево сечение, которые преподносятся не только как достижения современной науки (что верно, когда речь идет о показаниях к применению последних), но и как полноценная альтернатива естественному рождению. По статистике ежегодно количество оперативных вмешательств растет (по данным министра здравоохранения В. Скворцовой в 2012 г. – 23%; 2013 – 27%, в то время как максимальное количество кесаревых сечений по данным Всемирной Организации Здравоохранения, установленным в 1985 г. не должно превышать 10–15 % действительно отклоняющихся от нормы родов) [5]. Учитывая, что человечество рождается не последние сто пятьдесят лет – время появления и развития акушерства как отдельной научной дисциплины, а несколько десятков тысяч лет, пора задуматься о реальной угрозе возможности, точнее права естественного появления на свет наших потомков. Четверть младенцев рождаются посредством кесарева сечения превращая его в абсолютный медицинский тренд, несмотря на то, что проведенная без показаний операция кесарева сечения, является разновидностью акушерской агрессии, создавая так называемую «киборг–антропологию».

Природные явления не безразличны к внешним воздействиям, и ломая механизм их внутренней связи, которого мы не понимаем, мы проигрываем в долгосрочной перспективе: вмешательства растут, а рождаемость падает. Основой успешной реализации материнства не в последнюю очередь является безоговорочное вручение себя природной силе, подчиненной универсальному общему принципу, который неизвестен нам полностью и подобен гегелевскому Абсолюту, осуществляющемуся бессознательно, но безошибочно. По теории И.Р. Пригожина, процессы, протекающие в равновесных условиях, совершаются по детерминированным кривым, но по мере удаления от энтропийных точек равновесия движение приближается к тем точкам, в которых предсказуемое течение процессов нарушается. В этих точках бифуркации (родах) невозможно предсказать будущее, даже владея всеми возможными средствами анализа происходящего и обладая сколь угодно глубокими знаниями: «При переходе от равновесных условий к сильно неравновесным мы переходим от повторяющегося и общего к уникальному и специфическому» [6, с. 341]. Понимая, что реализуется общее, невозможно игнорировать, что осуществляется оно через специфическое и индивидуальное. При этом индивидуальное подвергается наибольшей угрозе, потому что женщина погружена в ситуацию шизофренического разлада со своим телом – индивидуальным, «говорящим» в

момент квинтэссенции опыта на общем, природном языке духа, а не на языке скальпеля, пытающегося навязать безальтернативность оперативного рождения, отождествляемого с истинностью. Поскольку речь идет о феномене, который изначально имеет не экспериментальную или условно-конвенциональную основу, а духовную, стоит обратить внимание на призывы экологов к осуществлению перехода от *homo sapiens* к *homo ecologicus*. Природу можно снова, как было в эпоху Возрождения, максимально широко трактовать как пантеистическую стихию, смысл которой в носительстве мощи того метафизического Абсолюта, где «свободой может быть осознанная необходимость» подчиниться ее движению, которое, выражая всеобщее, реализуется каждый раз индивидуально и, следовательно, непредсказуемо. «Если бы мы знали точно законы природы и состояние Вселенной в начальный момент, то мы могли бы точно предсказать состояние Вселенной в любой последующий момент» [7, с. 337].

Каждая мать проходит свой индивидуальный путь и одновременно путь всего человечества. Она воспитывает своего ребенка и все человечество, в которое теперь она осуществляет вклад немыслимой ценности, поэтому – «чего хочет женщина, того хочет Бог». Ведь даже чисто теоретически нельзя сделать огромный вклад, не прилагая к этому значительных усилий, а здесь приложением ее усилий является самое ценное – человеческая жизнь. Это благородный труд. И возвысить мать – это как отдать часть долга, который вообще-то вернуть невозможно, поэтому во многих культурах мать – фигура сакральная, причем каждая конкретная, любящая. Благодаря ее существованию в мире сохраняется некоторый минимум любви. Ведь что такое любовь? Любовь – это забота, ежедневная неприметная жертва, которая начинается с родов и никогда не заканчивается, материнство – это прежде всего духовность. Поэтому можно быть биологической матерью, но заботы не проявлять, тогда – это псевдоматеринство, и, наоборот, можно не быть биологической матерью, но «быть всем как мать родная». И естественные роды нужны не сами по себе, а как генеральная репетиция заботы, в которой начинается материнство, первый акт бесконечной пьесы.

Вторая часть «опасного» участия прагматической идеологии в материнстве – появление с помощью технологий новых форм материнства: например, суррогатного материнства, внутриматочной инсеминации и экстракорпорального оплодотворения. Рассмотрим их более подробно:

1. Суррогатное материнство (от лат. *surrogatus* замененный) – вспомогательная репродуктивная технология, при применении которой в зачатии и рождении ребенка участвуют три человека: 1) генетический отец – лицо, предоставившее свою сперму для оплодотворения и согласное после рождения ребенка взять на себя обязанности отца; 2) генетическая мать – лицо, предоставившее для оплодотворения свою яйцеклетку и согласное после рождения ребенка взять на себя обязанности матери; 3) суррогатная мать – женщина детородного возраста, согласившаяся на возмездной или безвозмездной основе выносить и родить ребенка от генетических родителей и не претендующая на роль матери данного ребенка.

2. Внутриматочная инсеминация – материнство, не требующее непосредственного участия отца, а осуществляемое с помощью вспомогательной репродуктивной технологии путем введения в цервикальный канал или матку женщины спермы мужчины, полученной заблаговременно вне полового акта,

проводится чаще при отсутствии у женщины пары в амбулаторных условиях либо при наличии в паре диагноза бесплодия.

3. Экстракорпоральное оплодотворение или ЭКО (от лат. extra: снаружи, corpus: тело), – вспомогательная репродуктивная технология, использующаяся при бесплодии, при которой яйцеклетку извлекают из организма женщины и искусственно оплодотворяют в условиях «in vitro» (в пробирке), затем полученный эмбрион несколько дней развивается в условиях инкубатора, после чего его помещают в полость матки для дальнейшего развития.

Религиозная ортодоксия выступает против подобных экспериментов прежде всего из-за этической оценки новых материнских форм, считая их угрозой естественному материнству. Феминистки видят в подобном развитии биотехнологий усиление влияния женщин, новое понимание человеческой репродукции, упраздняющее власть иерархий. Ученые, помимо непосредственной вовлеченности в процесс развития биотехнологий, видят в них выход из демографического кризиса в нашей стране, у которого масса причин, среди которых и то, что сегодня у каждой пятой молодой женщины стоит диагноз бесплодия. Наша задача состоит в том, чтобы критически осмыслить эту культурную ситуацию. Во-первых, апелляция к последствиям как критерию этического принципа пока мало возможна, так как объективно нет никаких статистических данных об уже выросших детях ЭКО, а суррогатное материнство пока доступно лишь людям с высокими доходами и не распространяется на «простых смертных», являясь казуистикой, хотя – это вопрос лишь времени. Во-вторых, религиозные конфессии не признают экстракорпоральное оплодотворение из-за большого количества гибнущих в результате этого способа зачатия живых эмбрионов, а суррогатное материнство, помимо того, что оно осуществляется также методом ЭКО, еще исходя из дополнительной посылки об аморальности явления, где ребенок фактически выступает объектом договора купли-продажи. Патриарх Кирилл в 2013 г. высказался против суррогатного материнства по причине «как травмирования материнских чувств вынашивающей женщины, так и ребенка, который в последующем может испытывать кризис самопознания» [8]. Такая позиция вполне ясна и оправдана. Однако ребенок, который с рождения отдается на выкармливание и воспитание няньке за вознаграждение, тоже фактически выступает объектом меновой стоимости. Матерей дворянского происхождения, отдававших младенцев в деревню на несколько лет и не видевших, как они растут в полном отсутствии материнской любви, можно считать первыми суррогатными матерями, демонстрировавшим возможность отсутствие у женщины чувства привязанности к ребенку, которого она родила. Это явление «утонченного» быта наших предков явилось прообразом культурных противоречий, связанных с сугубо прагматичным или «комфортным» подходом к материнству. В-третьих, позиции разных слоев общества по отношению к новым формам материнства неоднозначны и часто зависят от экономического подкрепления. Те, кому доступны новые репродуктивные технологии и кто в них объективно нуждается, находятся по одну сторону, а те, кто видят в этом угрозу естественному материнству, – по другую, что создает поляриность в обществе. Противоречия усиливаются, поскольку увеличивается количество людей, использующих вспомогательные репродуктивные технологии, а определенные виды мировоззрения, например, религиозное, не предоставляют обществу единой концептуальной возможно-

сти адаптироваться к подобным реалиям либо, опровергая их, мотивировать общество на иное решение актуальных репродуктивных проблем.

Американский историк, журналист и психоаналитик Ллойд де Моз в работе «Психоистория» открытия глубинной психологии применяет к анализу истории и политической науки, выделяя несколько последовательных стадий развития института семьи и детства, которые, по его выводам, напрямую связаны с системой ценностей в обществе. Он исследует влияние обычаев в воспитании детей на протекание различных исторических периодов. Опираясь на его исследования, достоверными должны стать предположения о том, какими будут дети, рожденные суррогатными матерями, если, нося в утробе ребенка, они размышляют о его стоимости. Всегда ли мы учитываем все мысли беременных женщин и их влияние на формирование психики ребенка, а тем более общественного климата, зная об исследованиях, указывающих на наличие подобной связи?

Из психоанализа истории следует, что чем древнее времена, тем бесчеловечней матери по отношению к детям. Вероятно, с этим можно согласиться, но лишь отчасти. Конечно, мы помним описание спартанских обычаев, которые были необычайно жестокими по отношению к новорожденным больным детям, и что матерям при их казни запрещалось проявлять чувства. Но это не значит, что чувств вообще не было. Матери испытывали душевную боль, которую обычай немного притуплял, считая приемлемыми методы, применяемые по отношению к «несовершенным и лишним» детям. Но не являются ли тогда такими же «несовершенными и лишними детьми» эмбрионы, гибнущие в результате ЭКО? Сегодняшняя культура в полной мере может именоваться варварской и бесчеловечной, потому что то, что представляет угрозу для новорожденного (возможную гибель во время проведения ЭКО, поскольку заранее неизвестно, какой из эмбрионов выживет), не может одновременно не представлять угрозу материнству.

Более жестокая установка по отношению к детям у древних нивелируется тяжелыми условиями жизни всех членов общества: труд ребенка-дикаря в 2500 до н.э. являлся необходимым условием выживания племени, как и труд ребенка в Англии XIX в. в угольной шахте, калечащий его, служил единственным средством его пропитания. Духовная слепота современного человека проистекает из жажды комфорта, увеличивающегося из года в год потребления и стремления любой ценой избегать трудности. Современную культуру часто называют детоцентристской, т.е. ориентированной на интересы детей, но можно привести огромное количество примеров из художественной литературы XX в., в которых присутствуют сцены привычного насилия над ребенком¹.

Демонстрация определенного поведения часто носит лишь поверхностный характер массового вовлечения в декларируемые «общечеловеческие» ценности. Хорошим примером служит яркая дискуссия, разгоревшаяся в социальных сетях, представляющих основную сцену диагностики общественных настроений, по поводу грудного кормления. Казалось бы, пропаганда такого важного в становлении материнства процесса может иметь только поло-

¹ «Редко случалось, чтобы я не проплакал почти все время после обеда. В магазине я получал больше затрещин, чем видел улыбок. Я должен был просить прощения из-за любого пустака, и просил прощения за всё» [9, с. 52].

жительные коннотации, однако это не совсем так. Пропаганда грудного кормления тоже может представлять угрозу материнству, в частности смещением акцента с ребенка на выказывание определенной «гражданской позиции», что в целом должно быть чуждо материнству, поскольку женщина в период материнства и грудного кормления отличается от «среднестатистического» гражданина. Она вовлечена во взаимодействие с ребенком и успешное исполнение ею материнских функций требует пребывания в специфическом состоянии, характеризующемся тем, как она взаимодействует со своим ребенком. У новорожденного малыша нет еще не только сознания, но и достаточно развитых дифференцированных способов взаимодействия с миром. Матери необходимо ориентироваться на свои эмоции, с помощью которых она чувствует состояние ребенка, понимает его потребности. Шаг за шагом в совместной с ребенком деятельности она спонтанно обучается навыкам эмоционального общения с ним. Мать концентрируется на ребенке настолько, что автоматически меняет свое состояние в зависимости от смены состояния у ребенка. Нормальной считается нечувствительность матери к возможным влияниям на ее состояние со стороны, т. к. они уводят ее от переживаний, непосредственно связанных с ребенком, обеспечивающих прежде всего соответствие эмоций матери контексту взаимодействия, которое и создает для них обоих «эволюционно ожидаемые условия...». Доминирование (же) в сознании матери представления о последствиях ее поведения для будущего ребенка, всегда связанных с ее конкретной моделью ребенка как будущего взрослого, «заслоняет» непосредственную стимуляцию от самого младенца, которая и обеспечивает условия для проявления и изменения эмоций матери» [10, с. 215]. Таким образом, в пропаганде грудного кормления, например, в общественных местах, искажаются смысл и значение грудного кормления. Способ кормления матерью ребенка вторичен по отношению к особому виду эмоционального контакта, совершающегося при кормлении, и не должен быть использован для продвижения не относящихся к нему идей, популяризирующих «естественное» поведение. Агрессия, с которой защитники «естественного кормления» отстаивают право кормить ребенка где угодно и как угодно (с которым никто не спорит, если оно вызвано необходимостью: длительной дорогой, волнением малыша и т. д.), к сожалению, вызвана социальной фрустрацией кормящей женщины, потерявшей «онтогенетический путь к модели» материнства.

Молодые женщины часто воспринимают материнство лишь как биологический феномен в русле общей социальной доктрины, который не имеет никакого высшего предназначения, а лишь необходим для удовлетворения определенных социальных потребностей самой женщины. Из докторского диссертационного исследования Г.В. Бариновой опросы, проведенные среди российских беременных женщин, выявили следующую мотивацию их беременности: «24% – «ради соответствия социальным ожиданиям», что отражает психологию современной уязвленной женщины, стремящейся к рождению ребенка не ради него самого, а выражающей стремление быть «не хуже других»; 12% – «ради протеста», при которой ребенок не цель, а средство, при помощи которого молодая женщина пытается отстаивать свою самостоятельность и независимость; 16% – «ради сохранения отношений», что часто, наоборот, не сохраняет их, а увеличивает количество матерей-одиночек; 26% – «ради сохранения собственного здоровья» из-за опасения возможных женских болезней, харак-

терных для бездетных; «ради возможности начать жизнь по-новому» (8%); «ради ухода от настоящего» (5%); «ради любимого человека» (3%) и др. [11].

Итак, наше общество, утратив традиционные способы передачи опыта, нащупывает пути материнско-детского взаимодействия. Биологическая инициация – роды – сами по себе не создают успешной модели материнства. Возможности перенять опыт в этом вопросе у западных «развитых» культур нет, поскольку «ситуация в современном евро-американском обществе может быть охарактеризована как потеря пути к модели материнства» [10, с. 218]. Поэтому необходим анализ угроз материнству и идеологических установок, препятствующих пониманию материнства как непреходящей духовной ценности и соответственно задающих ошибочное направление развитию материнской сферы.

Список литературы

1. Жуков Б. У культуры немужское лицо // Знание – сила. 2014. № 12. С. 53.
2. История изучения человеческой личности по Д.С. Лихачёву. [Электронный ресурс] URL: <http://vikent.ru/enc/5832/> (дата обращения – 12.04.2017 г.).
3. Лотман М.Ю. Изъявление Господне или азартная игра? [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotman/Lotm_VolAzart.php (дата обращения – 12.04.2017 г.).
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: АЗБУКА, 2015. 416 с.
5. Кесарево сечение как тренд [Электронный ресурс] URL: <https://letidor.ru/zdorove/a0-kesarevo-sechenie-kak-trend-9254.shtml> (дата обращения – 30.07.2016).
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю.А.Данилова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
7. Пуанкаре А. О науке / пер. с фр.; под ред. Л.Понтрягина. М.: Наука, 1983. 736 с.
8. Соколова Н. А. Суррогатное материнство в новом законопроекте об охране здоровья: «зеленый свет» торговле детьми [Электронный ресурс] URL: <http://demographia.ru/node/61> (дата обращения – 01.09.2016).
9. Селин Л.Ф. Смерть в кредит. СПб.: Ретро, 2003. 593 с.
10. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Институт психотерапии, 2002. 240 с.
11. Барина Г.В. Инвалидность как социальный феномен современного российского общества (социально-философский анализ): автореф. дисс. ... джлкт. филос.наук. М., 2015.

THREATS TO MOTHERHOOD IN RUSSIAN SOCIETY

L.A. Barkova

Moscow State University of Railway Engineering, Moscow

The article is focused on the analysis of threats to motherhood from the perspectives of spiritual aspect of society's life. Proceeding from the postulate that social life is primarily based on the social mechanisms of mental interaction of people, it is necessary to eliminate the misconceptions that prevent the successful implementation of this phenomenon. Such false approaches are the pragmatic model of «comfortable maternity», the materialist-monistic model that considers motherhood as a purely biological phenomenon, the cyborg-anthropology entailing the emergence of new forms of maternity that require a comprehensive research.

Keywords: *pragmatism, obstetric aggression, surrogacy, in vitro fertilization, cyborg-anthropology.*

Об авторе:

БАРКОВА Людмила Александровна – старший преподаватель ФГБОУ ВО «Московский государственный университет путей сообщения», Москва. E-mail: blusy@mail.ru

Author information:

BARKOVA Lyudmila Alexandrovna – senior Lecturer, Department of Philosophy and Culture, Moscow State University of Railway Engineering, Moscow. E-mail: blusy@mail.ru.